

Глобальный взгляд Нины Ягодинцевой

> Поэзия – обычная речь взволнованного человека

В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ «Космическая симфония» в картинной галерее состоялась творческая встреча с челябинским поэтом Ниной Ягодинцевой.

Формат встречи – вопросы и ответы. Правда, вопросов к госте было немного. Получилась беседа на разные, но связанные между собой темы. Нина Александровна говорила, что в душе каждый поэт – это главная мысль, которую она стремилась донести до аудитории. Вокруг этого постулата сформировался круг дополнительных тем: нестандартный взгляд на жизнь, вера, законы развития цивилизации. И все это – с точки зрения предстояния человека перед космосом.

Нина Александровна читала свои стихи, подтверждая логические выкладки художественным словом.

– Все начиналось еще в юности, когда я занималась в литобъединении под руководством Нины Георгиевны Кондратовской. Теперь сама учу писать: работаю с молодыми авторами в Челябинске. Так увлечение стало профессией. Постепенно к литературному творчеству добавилось еще одно – фотография.

Наверное, именно взгляд фотографа, способный видеть в обычном необычное, помогает Ягодинцевой-поэту находить оригинальные жи-

зненные срезы и передавать их словом. Она поэт не только в минуты вдохновения, она поэт всегда. Даже обычная ее речь наполнена поэзией. Чего стоят такие фразы: «В юности еще действует в нас инстинкт истины, который со временем заменяется опытом». Или: «Поэзия – обычная речь взволнованного человека. Когда мы переживаем эмоциональную бурю, наши слова становятся выразителями чувств».

– Не секрет, что пишут сейчас как никогда много, – продолжает раз-

говор Нина Александровна. – Историками незамечено, что всплески литературного творчества совпадают по времени с социальными катастрофами. Видимо, сейчас цивилизация подошла к такому страшному рубежу, когда найти что-то новое практически невозможно. Один философ сказал, что Европу спасут поэты. Отметим неутешительный факт: на Западе почти все литераторы работают в рекламных агентствах. Это неплохо, но подобная работа отвлекает от главного. У нас ситуация другая: есть молодая поросль, на которую можно надеяться.

Кстати, к вопросу о различиях русской цивилизации и цивилизации Запада. Ягодинцева вывела интересную формулу: русская нация в основе своей космогонична. Мы мыслим

масштабно. Именно глобальный взгляд на современные проблемы, считает челябинский гость, позволит найти верные ответы. Поэтому за нами, по ее мнению, будущее.

– Нынче настал век ремейков. Конечно, мне могут возразить, что это не новое явление. Существует переводная литература, где вариации на тему – привычная вещь. Достаточно вспомнить «Памятник» Пушкина и Державина. Но здесь есть нюанс: пропустить чувство или мысль через себя, усвоить ее, сделать своей и создать ремейк – не одно и то же. Поэзия как раз занимается генерированием новых идей и переосмыслением старых...

Опять-таки все сводится к идее спасительной роли искусства в жизни планеты. Выходит, что фестиваль «Космическая симфония» – возможность посмотреть на наш мир с высоты космоса. Так виднее недостатки и преимущества окружающего мира. Одна из самых острых проблем современности – проблема веры. Когда Нину Александровну спросили, как она относится к религии и принимает ли другие учения, она ответила просто и емко:

– Я воспитывалась в православной традиции. Моя мама – носитель чистой крестьянской культуры. Однако я терпимо отношусь к другим конфессиям. Более того, учась в Литинституте имени Горького, защищала дипломную работу – переложение сур. В Коране много интересных мыслей. Например, одну из сур можно перевести так: «Неверных нет, есть неверующие». То есть трещина непонимания проходит не между представителями разных религий, а между теми, кто верит и нет. Разрушает не вера, а атеизм, ибо, если ни во что не веришь, рождается ощущение вседозволенности. В том же Коране, который жестко регламентирует жизнь, есть раздел «Поэтические суры». В нем объясняется, как человек должен строить взаимоотношения с космосом. Вот какую роль отводят поэзии...

Слово «космос» то и дело проскальзывало в речи поэта. Видимо, совпадение с темой фестиваля неслучайно. Чем образованнее и активнее человек, тем больше его волнуют проблемы космического масштаба. Нина Александровна, несомненно, человек с глобальным мировоззрением ☺

ВЛАДИМИР БАРТКОВ
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

Дорогой учитель

> Бронзовый Ушинский строго смотрел с пьедестала на людское месиво

Алина ЧИНЮЧИНА

ЖАРКОЕ июньское солнце сжигало город, плавало асфальт. На высоком крыльце института, на аллеях парка под защитой деревьев толпился народ: испуганные абитуриенты, напряженные мамы, сочувствующие друзья и просто случайные знакомые.

Бронзовый Ушинский строго смотрел с пьедестала на это людское месиво; таким же суровым взглядом ему отвечал бронзовый Корчак с пьедестала на площади.

Толпа приглушенно гомонила, над головами висело напряжение: вот-вот должны были вывесить списки зачисленных.

– Говорят, даже высшего балла мало. Конкурс аттестатов...

– Не говорят, а так и есть на самом деле. У меня – золото...

– У меня серебро... как думаешь, повезет?

– Черт его знает. Конкурс-то – тридцать человек на место.

– Эх... а меня, кажется, на тестах завалили. Я там вместо красного оранжевый с переплугу назвала...

– Да, не повезло тебе. Я цветовой-то проскочил, но, боюсь, на «вертушке» не пройду. Там – сама знаешь – строже, чем у космонавтов.

– О, а ты чего тут? Тебя же медкомиссия завернула!

– Да я так... за вас поболеть пришел. Что, не вывесили еще?

– Нет, ждем вот. Сейчас у тебя много друзей по несчастью появится – валят только так. Слушай, а что ты медикам так сильно не понравился?

– Я-то понравился, а вот у бабушки моей сахарный диабет, а у дяди – близорукость. Ну и...

– Сурово.

– Вот что творят, гады!

– Вы, парни, не радуйтесь. Поступить – полбеда, главное – доучиться. У меня сосед

с пятого курса вылетел, представляешь? Декан его за углом с сигаретой увидел. Уж как клялся-божился – ничего не помогло, и отличная зачетка побоку. Морально, видите ли, нравственный облик...

– С ума сойти. Вон в строительном – в коридорах смолят, и ничего.

– Так то в строительном... в шарашке этой. Здесь-то все серьезно.

В стороне, сбившись в группу, взволнованно перешептывались мамы:

– Мой в первом классе ангиной болел. Вроде все сдал, все психологические тесты на высший балл написал, а все равно страшно – вдруг не пройдет? Скорее бы уже...

– Ничего, чуть-чуть осталось. Зато потом выдохнем!

– Ой, и не говорите! Потом вся жизнь, считай, устроена. Говорят, сейчас выпускникам сразу зарплату дают – как депутатам. И премиальные еще...

– И питание, опять же. Трехразовое, по спецталонам. И форма за счет государства.

– И пенсия в сорок пять – нашей не чета...

– У моей подруги дочка в этом году выпустилась, рассказала – на каждого, оказывается, сразу – пожизненно. Дважды в год – отдых за рубежом, лечение – по высшему разряду...

– Вот живут же люди!

– Ну, так у них и нагрузка вон какая...

– Ой, да что там нагрузка – четыре часа в день! Мне бы такую нагрузку...

– Нет, я уж лучше на заводе восемь часов от-

мотаю, чем с этими подарочками возиться...

– Ой, смотрите, списки вывесили!

– Списки!

– Списки!

Толпа загомонила, качнулась навстречу, задние напирали, прижимая передних, к высоким, тяжелым, дубовым дверям с большой золотой табличкой «Приемная комиссия педагогического института»...

– Анна Ивановна! – в класс заглянула молоденькая секретарша, – табульки принесли, приходите, а то я уйду, шестой час ведь уже.

– Иду, Зина, спасибо, – отозвалась пожилая учительница литературы, поправляя растрепанные волосы. – Иду...

Тяжело поднявшись, Анна Ивановна окинула взглядом заваленный бумагами стол, гору тетрадей. Еще две пачки – часа на два работы, значит, раньше восьми домой не попасть. А дочь просила взять пораньше внучку... Нет, придется домой тащить и опять проверять ночью...

Шаркая ногами в растоптанных, старых туфлях, Анна Ивановна поднималась на второй этаж в учительскую. И вздыхала про себя – давно пора на пенсию, да директор не отпускает. Работать некому – молодежь в школу не идет, на копейки эти. А ей уже шестьдесят три... полторы ставки не по силам, но кто в пятых классах литературу вести будет – Пушкин?

Получив заветную табульку, Анна Ивановна грустно усмехнулась и поплелась обратно. Надо же, как сморило ее на рабочем месте. И, главное, сон какой хороший ☺

> Книга – великая вещь, пока человек умеет ею пользоваться. Александр БЛОК